

РОЗДІЛ 1

ІСТОРІЯ, ТЕОРІЯ ТА МЕТОДОЛОГІЯ СОЦІОЛОГІЇ

УДК 316.42

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦІЇ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

Ядов Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Государственного университета гуманитарных наук (г. Москва)

В статье предлагается авторская концепция трансформации постсоветских обществ. Концептуализируются особенности преодоления советского наследия в институциональном и жизненном укладе бывших советских республик. Автор доказывает, что отличие одного общества от другого определяется особенностями его социальных институтов, культуры, менталитета и жизненных практик. Выделяется то общее, что свойственно всем постсоветским странам, и то специфическое, что присуще отдельным из них. Именно последнее, как считает автор, прежде всего определяет динамику социально-экономических трансформаций, по-разному воздействуя на преодоление «культурной травмы» перехода к рыночной экономике.

Ключевые слова: трансформация постсоветских обществ, социальные институты, менталитет, жизненные практики.

У статті пропонується авторська концепція трансформації пострадянських суспільств. Концептуалізуються особливості подолання радянської спадщини в інституціональному і життєвому устрої колишніх радянських республік. Автор доводить, що відмінність одного суспільства від іншого визначається особливостями його соціальних інститутів, культури, менталітету та життєвих практик. Виокремлюється те загальне, що властиве усім пострадянським країнам, і те специфічне, що притаманне окремим із них. Саме останнє, на думку автора, перш за все визначає динаміку соціально-економічних трансформацій, що по-різному впливає на подолання «культурної травми» переходу до ринкової економіки.

Ключові слова: трансформація пострадянських суспільств, соціальні інститути, менталітет, життєві практики.

An author's concept of transformation of post-soviet societies in modern global world is suggested in the paper. An attempt to conceptualize the features of overcoming the Soviet inheritance in institutional mode and lifestyle of the former Soviet republics is executed. The author argues that the difference between different societies is determined by the characteristics of their social institutions, culture, mentality and life practices. Both those characteristics being common for all post-soviet countries and those ones being specific for certain of them are distinguished. The latter ones, according to the author's opinion, primarily determine the dynamics of their social and economic transformations and have a different impact on overcoming the «cultural trauma» of transition to the market economy.

Keywords: transformation of post-soviet societies, social institutions, mentality, life practices.

Хотел бы означить в качестве исследовательской проблемы весьма претенциозную, а именно – разработку некоторой концепции трансформаций постсоветских обществ в современном глобальном мире. Петр Штомпка предложил общую теорию культурной травмы переходных обществ, почему бы не попытаться концептуализировать особенности преодоления травмы советского наследия в институциональном и жизненном устройстве наших стран и других бывших советских республик?

Я помню, что Валерий Хмелько на симпозиуме «Куда идет Россия?» говорил о несхожестве русской и украинской исторической традиций устройства верховной власти. В России – самодержавие, в Украине – выборность гетмана. Выборность же князя в Новгородской республике была подавлена Иваном

Грозным. Однако достаточно продолжительный период советской власти эта давняя традиция Украины была преодолена. Свидетельство – данные кластерного анализа схожести культур по критерию модернизированности на 2010 г. Все посткоммунистические страны, включая балтийские Литву, Латвию и Эстонию, оказались в одном кластере!

К. Маркс, как известно, собирался написать третий том «Капитала», посвященный азиатскому способу производства. Его главная особенность, в отличие от европейского, - доминирование государства во всех сферах экономики и, само собой, политики. Антонио Грамши в своих «Тюремных тетрадах» писал, что в западно-европейских странах при ослаблении государства на поверхность выходит гражданское общество, в России, если рухнет государство, то рухнет все. Сошлюсь на свою статью 2010 г. «К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества» [1].

Известна концепция Светланы Кирдиной, в сущности развивающая идею Карла Поланьи о базовых и периферийных институциональных матрицах [2]. Экономика условно восточных стран является редистрибутивной, западная – рыночной, т. е. в первом случае государство перераспределяет бюджетные средства в регионы, во втором – регионы автономны в своем бюджете. Политическое устройство – унитарное против федеративного, а в идеологии в первом случае «Мы» доминирует над «Я», во втором – «Я» над «Мы».

Короче, основное, что отличает одно общество от другого, – это особенности социальных институтов, т. е. принятых правил социального взаимодействия (Э. Дюркгейм).

Вместе с тем, между странами постсоветского ареала существуют несомненные различия в особенностях культуры, менталитета и жизненных практик. Проблема менталитета заслуживает специального рассмотрения, поскольку национальный менталитет гораздо более устойчив по сравнению с устойчивостью социальных институтов.

Приведу соответствующий фрагмент из своей упомянутой статьи в журнале «Мир России». Одно из определений менталитета следующее: менталитет есть «комплекс коллективных социальных установок, особенностей *практического разума и повседневного мышления*; его устойчивых форм, что фиксируется в метафорах, поговорках, символах [7, с. 56]. Менталитет интегрирует осознанное из данной культуры и подсознательно усвоенное, то, что более непосредственно соотносится с поведенческими практиками. Важно также заметить, что люди в своем восприятии жизненного мира руководствуются *социальными* представлениями. Как отмечает Серж Московичи, «индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует в себе опыт прошлых поколений, цитирует их социальный опыт мышления. Он как бы мыслит заново уже помысленное до него» [9, с. 98]. Поэтому можно сказать, что наши социальные представления так или иначе связаны с особенностями менталитета.

К. Касьянова [10] применила тест ММРІ¹ на российских студентах и пилотах, сопоставляя свои данные с результатами, полученными другими психологами из многих стран. Она нашла, что россияне «зашкаливают» по тесту «циклоидность». В переводе с языка психоаналитиков на общепонятный это означает, что мы не склонны к систематически выполняемой деятельности, независимо от настроения. Общеизвестно, что россияне предпочитают непременно закончить работу рывком в последний момент, т. е. когда гром уже грянул и надо ждать грозы.

Герд Хофштед нашел, что национальные особенности трудовых взаимоотношений связаны с особенностями менталитета сотрудников. Применив разработанный с этой целью психологический тест Хофштеда и сопоставив полученные результаты с многочисленными данными по разным странам мира, Е. Данилова, В. Дубицкая и М. Тарарухина [11, 12] нашли, что россияне оказались в близком соседстве со скандинавами, немцами и израильянами. Хофштед обозначил этот кластер трудовых взаимоотношений формулой «хорошо смазанная машина»: жесткие технологические правила и гибкие взаимоотношения руководства с подчиненными. В США и Канаде, напротив, действует жесткое правило: за неисполнение указания начальника – немедленное увольнение. Россиянам свойственна «фемининность» (одна из шкал теста), которая проявляется в более значимой роли интуиции, ценности свободного от работы времени. Западноевропейцам и американцам свойственна «маскулинность» - напористость, рационализм,

¹ Миннесотский общеличностный тест (ММРІ) отделяет психическую норму от патологии, откуда психоаналитические наименования шкал.

настойчивость в достижении целей². Россияне больше ценят гарантии со стороны организации, тогда как западноевропейцы больше полагаются на себя.

О. Хархордин [13] обращает внимание на традиционную экстернальность русского человека – продукт российского православия. В отличие от протестантов, русские в своих ошибках и неудачах привыкли винить обстоятельства и кого-то «другого», но не себя.

Согласно теории становления правил Тома Барнса и Елены Флэм [14], следует различать три модальности следования нормативным требованиям. Авторы выделяют *систему правил*, т.е. их содержание, *режимы правил*, т.е. как они поддерживаются санкциями, и, что особо важно, их практическое освоение – *грамматику правил*. Императивы рыночных отношений в современном глобальном мире, как и многие другие принятые международным сообществом нормы, т.е. системы правил – универсальны. Однако режимы правил, санкции за их нарушение далеко не одинаковы. Что же до грамматик правил, то российская национальная их особенность выражена формулой: «жесткость законов компенсируется необязательностью их исполнения».

Мои длительные летние наблюдения за эстонцами, где я 25 лет тому назад купил хутор, убеждают в поразительном влиянии особенностей национального менталитета на успешность / неуспешность постсоветских трансформаций. Будучи намного более законопослушными и добросовестно пунктуальными в исполнении требуемого начальством по сравнению с русскими, эстонцы на удивление быстро адаптировались к рыночным отношениям. По индексу свободы экономики среди стран, входивших в состав СССР, самую верхнюю строчку — 16-ю — заняла Эстония, опередив Финляндию, Швецию и Германию. Россия занимает в этом перечне 144 место. Белоруссия и Украина занимают, соответственно, 153 и 163 места [15]. По уровню демократизма Россия на 93-м месте (5,2 балла из 10) и по большинству параметров уступает западным демократиям (от 10 до 6,85 балла), но из постсоветских стран выше России в рейтинге Литва, Украина, Латвия, Эстония, Армения, Молдавия, ниже — Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Грузия, Таджикистан и Туркменистан [16].

По уровню качества жизни Россия на 73-м месте, из постсоветских стран выше России — Эстония, Литва, Латвия, ниже — Белоруссия, Украина, Армения, Казахстан, Грузия, Киргизия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Молдавия и Таджикистан [16].

И, наконец, приведу данные ранжирования стран по индексу «институциональные основы демократии». Россия здесь на 93-м месте (5,2 балла из 10). По большинству параметров Россия уступает западным странам (от 10 до 6,85 балла), а из постсоветских стран выше России в рейтинге Литва, Украина, Латвия, Эстония, Армения [16].

Приведенные индексные сопоставления весьма относительны, но все же не вызывает сомнения сам факт воздействия культуры, закрепленной в менталитете народов, на динамику социально-экономических трансформаций.

Таким образом, то общее, что свойственно всем постсоветским странам, можно суммировать в четырех пунктах:

1. Всеохватывающая роль государства и, как следствие, – общеизвестная коррупция чиновничества.
2. Незрелость институтов гражданского общества.
3. Следствие названных выше – доминанта экстернального локуса контроля как типичного личностного свойства подавляющего большинства населения³.
4. Различия стилей жизненных практик, которые сказываются на преодолении «культурной травмы» перехода к рыночной экономике, являются продуктом особенностей национального менталитета.

Следует добавить, что немаловажное значение имеет социально-экономическая, этническая и конфессиональная неоднородность регионов постсоветских государств, России и Украины в частности.

² Индекс «фемининность – маскулинность» оказался тесно связанным с ответом на вопрос, проиграл или выиграл респондент от рыночных реформ: выигравшие имеют индекс маскулинности равный 49, а проигравшие – 10.

³ Здесь привести данные массовых опросов о сдвигах в сторону интернальности молодежи

ЛИТЕРАТУРА: 1. Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества / Владимир Александрович Ядов // Мир России. – 2010. – № 3. – С. 46-57. 2. Кирдина С. Т. Институциональная модель политической системы в России / С. Т. Кирдина // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под ред. Т. И. Заславской. – М. : Логос, 1999. – С. 79-84. 3. Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ / О. Э. Бессонова. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997. 4. Заславская Т. И. Посткоммунистические трансформации / Т. И. Заславская // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирского Экономико-социологической школы. – Новосибирск : Наука, 2003. – С. 87. 5. Нуреев Р. М. Россия: Особенности институционального развития / Р. М. Нуреев. – М. : Изд-во Норма, 2009. – 448 с. 6. Федотова В. Т. Трансформация «другой» Европы / В. Т. Федотова. – М. : Ин-т филос. РАН, 1997. 7. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М. : РГГУ, 1996. – 256 с. 8. Ментальность россиян / Под ред. И. Г. Дубова. – М. : , 1997. – 478 с. 9. Московичи С. Век толп / С. Московичи. – М. : Изд-во Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с. 10. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с. 11. Данилова Е. Российская производственная культура на фоне культур других стран мира / Е. Данилова, М. Татарухина // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред В. Ядова. – М. : Флинта, 2005, С. 193-213. 12. Дубицкая В. Как управляют в России. Результаты исследования по методике Герда Хофштда / В. Дубицкая, М. Татарухина. (Еще не опубликованная работа, любезно предоставляемая с разрешением на нее ссылаться). 13. Хархордин О. Культурные барьеры / О. Хархордин. Forbes. – 2010, март. 14. Burns N. The Shaping of Social Organization. Social Rule System Theory with Application / N. Burns, E. Flam. –London: Sage Publ, 1987. 15. Эстония на 16 месте среди стран с самой свободной экономикой [Электронный ресурс] // Экономика Эстонии. – Режим доступа : <http://www.tervist.ru/blog/economics/130.html>. 16. Мельвиль А. Россия в мировых рейтингах: перезагрузка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://expert.ru/expert/2006/43/rossiya_v_mirovyh_ratingah/